Во власти стихии. Реальная история любви, суровых испытаний и выживания в открытом океане

Автор:
Тами Олдхэм-Эшкрафт

Во власти стихии. Реальная история любви, суровых испытаний и выживания в открытом океане

Тами Олдхэм-Эшкрафт

Азбука-бестселлер

22 сентября 1983 года Тами Олдхэм и ее жених Ричард Шарп па борту прекрасной парусной яхты покинули Таити, чтобы отправиться к берегам Калифорнии. Молодые, свободные, влюбленные в океанский простор, они надеялись, что тридцатидневный переход в Сан-Диего станет для них очередным романтическим приключением. Но внезапно приключение обернулось испытанием: 11 октября яхту настиг сокрушительный ураган «Реймонд» – один из самых мощных в истории. Так по воле судьбы не только будущее, но и сама жизнь молодых людей оказались во власти стихии… Автобиографическая книга Тами Олдхэм-Эшкрафт была впервые опубликована в 1998 году и мгновенно завоевала статус бестселлера. В июне 2018 года в российский прокат выходит фильм «Во власти стихии» режиссера Бальтасара Кормакура («Эверест»). В главных ролях: Шейлин Вудли («Виноваты звезды», «Дивергент», «Большая маленькая ложь») и Сэм Клафлин («До встречи с тобой», «Голодные игры», «Пираты Карибского моря: на странных берегах», «Белоснежка и охотник»).

Тами Олдхэм-Эшкрафт

при участии Саси Макгерхарт

Во власти стихии. Реальная история любви, суровых испытаний и выживания в открытом океане

Tami Oldham Ashcraft with Susea McGearhart

ADRIFT: A True Story of Love, Loss, and Survival at Sea

Copyright © 2018 by Tami Oldham Ashcraft

New afterword copyright © 2018 by Tami Oldham Ashcraft

All rights reserved

Originally published as Red Sky in Mourning in 2002 hy Hyperion.

This edition is published hy arrangement with Jill Grinberg Literary Management and The Van Lear Agency LLC.

Консультанты в области яхтенной и морской терминологии Сергей Соловьев, Екатерина Соловьева

© Е. Королева, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Памяти моего деда Уолли Дж. Олдхэма, моей надежной опоры.

Памяти Ричарда Шарпа… который будет жить в моем сердце вечно

Глава первая

На линии огня

Веретено якоря звякнуло, ударившись о носовой роульс, и я сосредоточила все свое внимание на Ричарде. Он величественным жестом махнул: «Вперед!» – и я включила передний ход. После того как я немного передвинула дроссель, «Хазана» добавила скорости, и мы направились к выходу из гавани Папеэте на Таити. Это было двадцать второго сентября 1983 года, в половине второго дня. Через месяц мы должны были вернуться в Сан-Диего, Калифорния. Но я почему-то не испытывала особой радости по этому поводу. Мне страшно не хотелось покидать южную часть Тихого океана. Не то чтобы я не мечтала увидеться с родными и друзьями, просто слишком уж недолго мы здесь пробыли. Мы вышли из Калифорнии всего полгода назад и, прежде чем отправляться в обратный путь, изначально собирались совершить круиз по южным островам Тихого океана и Новой Зеландии. Перемена планов вызывала у меня смешанные чувства. Но, как заметил Ричард, эта работа – перегонка яхты – просто воплощение мечты, она слишком хороша, чтобы отказываться.

Мое внимание привлекли крики с берега. Обернувшись, я увидела, как несколько наших друзей машут на прощанье. Я вскочила на сиденье рулевого и замахала обеими руками, придерживая штурвал босой левой ногой. Мимоходом ущипнув меня за большой палец, Ричард взялся одной рукой за штурвал, а другой – обхватил меня за талию. Сверху вниз я заглянула в его небесно-голубые глаза. В них светилась радость. Он притянул меня к себе и через парео поцеловал в живот. Я невольно улыбнулась его мальчишескому восторгу.

– Якорь на борту, милая!

– Ага, якорь на борту! – ответила я ему в тон.

На глаза навернулись слезы, когда я в последний раз махнула друзьям, которых теперь уже было не отличить от фонарных столбов на набережной. Привычный комок в горле напомнил, как тяжело всегда дается отъезд и как болезненна мысль, что можно никогда больше не увидеться снова. Даже если скоро мы вернемся назад, напомнила я себе, друзей здесь может и не оказаться. Моряки не засиживаются подолгу на одном месте – они путешествуют.

Пока Ричард поднимал грот, я взяла штурвал и, глубоко вздохнув, принялась осматривать горизонт. На северо-западе поднимался остров Муреа. Как же я любила море! Я привела судно к ветру, Ричард поднял грот, и парус скрипнул и хлопнул, поднимаясь по ликпазу. Разворачивая судно под ветер, стаксель сошел с закрутки плавно, как дождевая капля стекает по стеклу. «Хазана» мягко накренилась на борт. Какая классная яхта эта «Тринтелла», думала я. Сорок четыре фута качества. Просто роскошная, по сравнению с нашей «Майялугой».

Мы с Ричардом на борту «Майялуги»

Глядя на Ричарда, управлявшегося с парусами «Хазаны», я думала о том, как тяжело ему было попрощаться с «Майялугой». Он построил ее в Южной Африке и назвал словом из языка свази, означавшим «тот, кто уходит за горизонт». Много лет яхта из армоцемента была для него домом, на этом одномачтовом паруснике длиной в тридцать шесть футов он обошел полмира. Контуры «Майялуги» были гладкие, приятные для глаза, а интерьер – просто мечта, палубные бимсы из ламинированного красного дерева, сверкавшие слоями матового лака, тиковое дерево, пайол из падуба.

Стараясь поменьше думать о том, что покидаем, в последние дни мы оба загрузили себя работой на борту «Майялуги». Я занялась упаковкой одежды и всех прочих вещей, которые должны были пригодиться нам в двух полушариях, через которые предстояло пройти, а также нарядов для походов по гостям в

следующие четыре месяца. Футболки – чтобы носить осенью в Сан-Диего. Куртки – для рождественских каникул в Англии. Толстовки – то, что нужно для зимы в Сан-Диего. Парео и шорты – их черед настанет, когда мы вернемся на Таити в конце января. Ричард сосредоточился на том, чтобы как следует подготовить «Майялугу» к нескольким месяцам, которые яхте предстояло провести без нас.

Ей будет хорошо в бухте Матайэ. Наш друг Хейпед, который жил там с женой Антуанеттой и тремя детьми, пообещал раз в неделю заводить мотор. Мы с особенным тщанием приподняли все подушки, крышки всех люков, чтобы влажный воздух Таити циркулировал беспрепятственно. Мы растянули большой тент, чтобы защитить полированные детали от палящего солнца, и чуть приоткрыли люк под тентом.

«Майялуга» осталась позади. Я сидела в лодке спиной к яхте, пока Ричард вез нас к берегу. За солнечными очками я не видела его глаз, но знала, что они затуманены.

– Я знаю, что Хейпед хорошо о ней позаботится, – уверила я Ричарда.

– Да, позаботится. В этой бухте безопасно.

– Кроме того, мы скоро вернемся. Так ведь?

– Так ведь. – Он улыбнулся моей попытке изобразить его британский акцент.

И вот теперь мы на борту «Хазаны». Ветер переменился, и я подправила наш курс на десять градусов. Ричард остановился передо мной, закрыв обзор.

– Ты как?

– Отлично.

Зайдя мне за спину, он снял фал с утки, чтобы поднять бизань.

– Разве это не великолепно?

Все складывалось просто великолепно. Великолепная погода, великолепный ветер, великолепная компания. Оптимизм Ричарда передался мне. Разве паруса придуманы не для этого, подумала я. Приключение. Отдайся ему. Какого черта – время летит быстро.

Запись, оставленная в бортовом журнале в первый день, гласит: «Идеальный день. Тетиароа на траверзе. Полная луна. Море спокойное, делаем пять морских узлов на полных парусах».

На второй день мы делали шесть морских узлов на гроте и двух передних парусах. В тот же день, несколько позже, нам пришлось выбрать втугую все паруса, для того чтобы бороться с северо-северо-восточным ветром.

На третий день нас все еще трепал ветер. «Хазана» держалась хорошо, но мы ощущали усталость. Позже в тот же день налетел шквал в тридцать пять узлов. Мы убрали геную и грот и пошли на стакселе и бизани.

Яхта «Хазана», «Тринтелла 44’»

От удара волны в левый борт «Хазаны» я вздрогнула. Чтобы защититься от брызг, пришлось пригнуть голову. Нам никак нельзя ослабить паруса – вытряхнуть из парусов ветер, чтобы идти с большим комфортом, – мы же подписались доставить «Хазану», значит либо Сан-Диего, либо крах.

Я наблюдала, как аквамарин и бирюза океанской волны смешиваются и вовсе растворяются в полночной синеве глубоких вод. Сан-Диего или крах, размышляла я. Я всегда возвращаюсь в Сан-Диего – дом, милый дом. Казалось, прошла вечность с тех пор, когда я работала в магазине здорового питания и доучивалась в школе Пойнт-Лома. Помню, как не могла дождаться окончания школы, чтобы разорвать – разрубить – все нити, державшие меня на месте. Все, чего мне хотелось, – пересечь границу с Мексикой и серфить по тамошним фантастическим волнам. Тогда тоже было: Мексика или крах. Я улыбнулась, вспоминая, как важно было для меня стать свободной, самостоятельной. Я

купила микроавтобус «фольксваген» 1969 года выпуска, назвала его «Буэла» и уговорила подругу Мишель отправиться со мной. Мы забросили доски для серфинга в багажник на крыше, с легкостью миновали таможню и понеслись к Тодос-Сантос, где ждали обещанные шикарные волны и приключения. Была осень 1978 года.

Мы с Мишель устроились в лагере на берегу Тодос-Сантос с другими американскими серферами. Целый месяц мы только и делали, что носились по волнам, ели, устраивали вечеринки и спали. Но когда Мишель не смогла больше отлынивать от обязанностей, ждавших ее дома, она с большой неохотой отправилась ловить попутку на север.

Я сдружилась с местным семейством по фамилии Хименес. Моего испанского хватало, чтобы кое-как общаться, и я развлекалась, обучая английскому пятерых их детей. Они жили и трудились на взятой в аренду земле. Я помогала им собирать томаты и кориандр, а они за это отдавали мне перезревшие помидоры, из которых я делала сальсу и продавала ее гринго на пляже. Мой крошечный бизнес приносил достаточно, чтобы жить, и мне не приходилось залезать в заначку.

Так много американцев приезжало и уезжало, что я ни разу не ощутила себя одинокой и даже не задумывалась о том, что могу остаться одна. Примерно раз в неделю я отправлялась за продуктами в Кабо-Сан-Лукас или в Ла-Пас. В Кабо имелась небольшая придорожная забегаловка, где подавали роскошный мексиканский завтрак. Здесь всегда было полно гринго с круизных яхт. Ресторанчик представлял собой современное здание из шлакобетона с окном раздачи в боковой стене. Все столики стояли на улице. Возле окна висело меню, рядом стояла огромная доска объявлений – целый фанерный лист с пришпиленными к нему всевозможными объявлениями и информацией.

Как-то утром я заметила листок, привлекший мое внимание:

«Набираю команду. Опыт хождения под парусом необязателен. Умение готовить приветствуется. Отправляюсь во Французскую Полинезию в конце месяца».

Я даже не имела понятия, где находится эта Французская Полинезия, но само звучание этих слов зачаровало меня.

«Спросить Фреда, п/с „Тангароа“».

– Эй! – окликнула я Дрю, яхтсмена, с которым успела познакомиться. – А что значит «пэ», косая черта, «эс»?

– «Пэ», косая черта, «эс»? Это значит «парусное судно», детка.

– Спасибо, детка.

Так, значит, эта «Тангароа» парусное судно! У меня не было радиостанции, чтобы связаться с «Тангароа», поэтому я пошла на пляж и принялась рассматривать яхты, стоявшие на рейде. Они покачивались на волнах, а я читала их названия и вскоре углядела «Тангароа». К корме был привязан тузик, значит хозяин сейчас на борту. Я развалилась на теплом песочке и принялась ждать, когда кто-нибудь соберется на берег. Прошло немного времени, я увидела, как пожилой мужчина спустился в шлюпку и взялся за весла.

Как только он вытащил свой тузик на берег, я подошла:

– Это вы Фред?

– Да, – ответил он, окидывая меня взглядом с головы до ног.

– Я прочитала объявление, что вы набираете команду, и я хочу.

Он пригласил меня пропустить по пиву в баре «Muy Hambre»[1 - «Сильная жажда» (исп.). (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)]. За кружкой cervesa[2 - Пиво (исп.).] я рассказала Фреду, что единственный парусник, на котором мне довелось бывать, – это катамаран моего отца в Сан-Диего, я ничего не знаю о хождении под парусом, не говоря уже о хождении под парусом через океан в заграничный порт. Фред же мне признался, что его яхта – «Дредноут-32» собственноручной постройки. Мы обсудили мои обязанности на борту, которые будут состоять из готовки и несения вахты. Я сказала, что если на самом деле он ищет себе «партнера», то это не для меня. Он сказал, что как раз приходит в себя после кошмарнейшего развода и последнее, чего он хочет и в чем нуждается, так это в партнере. От меня требуется только готовить еду и стоять вахты.

Выложив на стол все карты, мы договорились о пробном круизе – короткой поездке, чтобы посмотреть, насколько я подхожу Фреду в команду. Мы отправились в Ла-Пас, находившийся в ста семидесяти милях.

То была сказочно прекрасная двухдневная поездка. Фред, как и обещал, держался настоящим джентльменом, я же ощущала себя под парусами как рыба в воде. Я записалась в команду «Тангароа». Маму новость о том, что я отправляюсь на яхте бог знает куда, напугала гораздо сильнее, чем отца, однако она понимала, что не в силах меня удержать, точно так же она не смогла удержать меня от поездки в Мексику за девять месяцев до того.

Когда я вернулась в Тодос-Сантос, Хименесы сказали, что я могу оставить у них свой автобус. Через несколько лет я узнала, что его превратили в кормушку для свиней. Они засыпа?ли корм в люк на крыше, а потом открывали двери, чтобы он понемногу высыпался по мере необходимости.

Мы с Фредом покинули Кабо в марте 1979 года. Путь до Маркизских островов стал для меня отличной школой. Я провела много часов у штурвала, учась чувствовать маневры, какие судно совершает в открытом море. Единственной неприятностью было то, что мы с Фредом оказались несовместимы, словно масло и вода. Он в свои пятьдесят с хвостиком любил классическую музыку. Я, девятнадцатилетняя девчонка, обожала рок-н-ролл. Он любил изысканную кухню. Меня тянуло на вегетарианские блюда. Он был дисциплинированным. Я была разгильдяйкой. Он был импозантный мужчина: безупречная осанка, безупречное тело, безупречный загар. Но все это было слишком уж безупречно для меня.

В один прекрасный день горизонт ощетинился вулканическими пиками. После тридцати двух дней, проведенных между синим морем и синим небом, при виде суши у меня перехватило дыхание. Частокол горных пиков изрезал монотонную линию горизонта. От этой мистической картины на глаза навернулись слезы. Я подумала: наверное, Христофор Колумб чувствовал то же самое, заметив на горизонте землю. К тому времени мы с Фредом уже едва разговаривали друг с другом. Я не могла дождаться, когда уже сойду с «Тангароа», хотя и понимала, что желание ходить под парусом и открывать новые земли только-только созрело во мне.

Фред заранее предупредил, что нам нужно будет отправить залог в восемьсот пятьдесят долларов для таможенной регистрации на Нуку-Хива, одном из

Маркизских островов во Французской Полинезии. Вот только, будучи новичком в этом деле, я и не подумала, что мои деньги – песо – на Маркизских островах вовсе не считаются деньгами. Фред внес залог за меня, но это означало, что мне и дальше придется готовить и работать на него. Я отправила все свои песо маме в Сан-Диего, и она сказала по телефону, что обменяет их на американские доллары и вышлет мне перевод до востребования в Папеэте на Таити.

За это время я успела познакомиться с Дарлой и Джоуи, которые также состояли в кманде парусной яхты. Мы быстро сдружились. Следом еще несколько человек из команды других яхт, все примерно одного возраста, буквально побратались, и, чтобы избежать бунта на корабле, наши капитаны решили отправиться в путешествие по Маркизским островам вместе.

Наша с Фредом яхта первой из группы покинула Маркизы и направилась на архипелаг Туамоту. Предполагалось, что путь займет трое суток, идти было решено в полнолуние – в этом случае, если вдруг мы отстанем от запланированного графика, нам не пришлось бы маневрировать среди атоллов в темноте. Атоллы – это низкие коралловые острова, которые кольцом охватывают лагуну. Потому-то атоллы, которые нелегко разглядеть и которые окружены подводными коралловыми рифами, так опасны для мореходов. Стоит напороться на такой риф – и запросто проломишь корпус судна и затопишь его за минуты. Самую верхнюю точку атолла обозначают сорокафутовые пальмы, раскачиваясь под пассатами. Из-за кривизны земной поверхности и движения судна вместе с морем эти сорок футов вовсе не так заметны, как четырехэтажный дом на суше. Но пальмы первыми дают знать моряку, что где-то рядом твердая почва.

Предполагалось, что мы с Фредом будем высматривать яхты и корабли, погибшие на мелях вокруг атоллов, и использовать их остовы как навигационные знаки. Проходя мимо этих обломков на рифах, я осознала, насколько важно, чтобы каждый на борту понимал всю степень опасности и умел прокладывать курс в трудных местах. И я думала, что Фред это знает.

Нашим первым портом на пути должен был стать атолл Манихи. Фред рассчитал, что атолл мы увидим ранним утром и у нас будет полно времени и прекрасное освещение, чтобы отыскать вход в лагуну. Когда было уже позднее утро, а никакого атолла не было и в помине, я начала беспокоиться. Только к часу дня мы заметили, как вдалеке трепещут верхушки пальм, и я наконец-то облегченно выдохнула. Подойдя ближе, мы попытались найти пролив, обозначенный на карте. Мы высматривали тихое место в кипящей белой воде, но все, что

видели, – один нескончаемый бурун. Фред пояснил, что зачастую волны разбиваются на обоих концах пролива, ведущего в лагуну, и поэтому трудно заметить разрыв в кольце коралловых полипов.

Мы с Фредом по очереди брали бинокль, жадно всматриваясь в белые барашки вдоль береговой линии. Наконец я забралась по ступеням на мачту до самой краспицы – поперечной распорки между мачтой и вантами – и, обхватив мачту ногами и одной рукой, принялась изучать тропический остров в окуляры бинокля. Риф, кажется, тянулся без перерыва. Мы полностью обогнули атолл, но так и не нашли входа в лагуну. У меня стали сдавать нервы, а Фред отказывался признать, что мы промахнулись. Солнце быстро садилось.

Переругиваясь, мы оба с раздражением заключили, что нас, наверное, отнесло на запад и мы обогнули атолл Ахе вместо Манихи. И мы решили прямо ночью отправиться к Рангироа.

Оба мы в ту ночь были на грани. Мы не ложились, всматриваясь и вслушиваясь, надеясь, что шум волн, разбивающихся о рифы, укажет нам близость атолла. В ту ночь, переполненная страхами, я поняла, что не хочу еще раз оказаться в подобном положении. Мне необходимо изучать навигацию.

Едва забрезжил рассвет, мы увидели пункт нашего назначения. Пальмы колыхались, будто приветствуя лично меня. В разгар утра мы нашли проход. На этот раз было нетрудно заметить место, где белая вода исчезала и вскипала снова несколько дальше. Другой оттенок волн вдоль береговой линии четко указывал, где вход. Мы увидели яхту под американским флагом, пришвартованную у грузового причала деревни. С помощью супружеской пары с этой яхты мы тоже пришвартовались. Я спрыгнула на причал и в изнеможении выдохнула, обращаясь к женщине:

– Боже, как же я рада оказаться наконец на Рангироа!

– Рангироа? Так вы не на Рангироа. Вы на Апатаки!

Я была потрясена. Взбежав обратно на борт «Тангароа» и спустившись в каюту, я взглянула на карту. Нас отнесло на сотню миль на юго-восток. То, что мы принимали за атолл Ахе, на самом деле был атолл Такапото, один из атоллов, не имеющих входа в лагуну.

Теперь я потеряла к Фреду всякое доверие. Кипя от злости, я едва выносила его во время нашего пятидневного перехода до Таити. Мои сумки стояли уложенные за два дня до конца пути. Мне не терпелось сойти на сушу и расстаться с «Тангароа» навсегда.

На Таити мой приятель Джои сказал, что нанялся на шхуну «София» коком. Я расспросила его о «Софии». Он сказал, что это, по всем статьям, вовсе не роскошный лайнер, поскольку шхуна построена в 1921 году, но все-таки судно впечатляющее: трехмачтовая шхуна в сто двадцать три фута длиной[3 - Ок. 37,5 м.] в совместном владении. Он добавил, что условия там спартанские. Например, туалетом служит металлическая посудина, установленная на корме, опорожняемая прямо за борт. На камбузе имеется четыре керосиновые горелки, большая дизельная плита и раковина, в которую накачивается исключительно морская вода. Пресную воду используют только для питья и готовки и не тратят впустую на такие глупости, как споласкивание тарелок от соли.

Вступительный взнос в этот мореходный кооператив составляет три тысячи долларов. И только кок платит полторы тысячи. Джои подцепил меня на крючок, упомянув, что команда «Софии» ищет сменщика для второго кока. На следующий день я отправилась на шхуну, вступила в кооператив и получила работу, став полноправным членом команды.

Несмотря на незатейливость конструкции, «София» была совсем не проста. В ее команде в разное время состояло от десяти до шестнадцати человек. Скрип ее шпангоутов напоминал о прожитых годах и пережитых приключениях. Она шла в Новую Зеландию, минуя все островные группы Тихого океана. Те дни на «Софии» были немыслимо прекрасны. Ощущение свободы, царившее на борту этого судна с прямыми парусами, окруженного кристально-голубой водой и залитого ярким солнцем, было волшебным. И дух товарищества в команде тоже присутствовал. Я смогла обучаться морскому делу и осваивать азы навигации, а заодно готовить, помогать управлять судном и делиться с другими собственными познаниями в мореходстве. Это было все равно как попасть в один из прославленных университетов Калифорнии – наш назывался университет «София».

Оказавшись в Новой Зеландии, мы направились в маленький городок Нельсон, расположенный на северной оконечности Южного острова в проливе Кука.

Пока наша «София» устраивалась на стоянку, собираясь задержаться в Нельсоне на целый год для ремонта, мне предложили порыбачить на судне под названием «Пандора». Им владел и управлял один из бывших матросов «Софии», пришедший к кораблю, чтобы набрать себе команду. Я заключила контракт на один сезон ловли длинноперого тунца, а закончилось все двумя сезонами тунца и одним – морского окуня. Деньги были хорошие, и мне нравилась полная испытаний жизнь рыбаков, сети, вспухающие от рыбы, словно попкорн на сковородке.

Пока я рыбачила, «Софии» предложили сняться в кино, и продюсер хотел, чтобы шхуна прибыла в Окленд для съемок. Я оставила почти все свои вещи – фотоаппараты, письма, одежду – на борту, собираясь вернуться на «Софию» в Окленде, когда закончится сезон тунца.

Но «София» так и не дошла. Она затонула в сильный шторм у северной оконечности Северного острова Новой Зеландии, на мысе Реинга. Когда корабль пошел ко дну, вместе с ним утонула одна молодая женщина. Шестнадцать выживших моряков пять дней болтались по морю на спасательных плотах. Наконец их подобрало проходившее неподалеку русское судно, заметившее жертв кораблекрушения благодаря последней сигнальной ракете.

Новость настигла меня в море, на рыбалке. Рыболовецкое судно высадило меня на берег, и я полетела в Веллингтон встречать команду «Софии». Все мои планы в одночасье пошли ко дну, вместе с молодой, никому не причинившей зла женщиной и прекрасным кораблем. Я не знала, что делать дальше. Моя виза, вместе с визами других членов команды «Софии», истекла. У меня ничего не осталось, кроме одежды, в которой я выходила на рыбалку, и нескольких мелочей.

Вот тогда меня потянуло домой, в Сан-Диего. Но ведь в тот раз я пропутешествовала три года, а не жалкие шесть месяцев, как сейчас.

Ричард высунул голову из люка и сказал:

– Расчетное время прибытия – тридцать дней, милая.

Я широко улыбнулась, ведь после тех первых, не особенно вдохновляющих опытов в качестве профессионального моряка меня так утешала вера в Ричарда. С Ричардом хорошо везде, хоть бы и посреди бурлящего океана.

На пятый день после того, как мы покинули Таити, «Хазана» бороздила волны на генуе и бизани, делая шесть узлов. Крепления дельных вещей разболтались, и соленая вода лизнула однополосную радиостанцию, закоротив ее. Неослабевающий северо-восточный ветер не давал возможности поспать. Все тело находилось в постоянном напряжении, потому что палубные принадлежности гремели, паруса хлопали, судно трясло.

Следующий день принес передышку. Ветер задул с траверза, толкая нас на восток, а именно это и было нам нужно. Ричард записал в судовом журнале: «Благодать». Мы решили потравить паруса и немного ускориться.

Нежась в солнечных лучах, я повертела на пальце кольцо с кельтским «узлом любви», которое сплел для меня Ричард. Глядя на Ричарда через кокпит, я невольно залюбовалась его мускулистым телом. Меня восхищал янтарный оттенок его волос, волнистых, словно море, и коротко подстриженная густая борода, в которой играли солнечные блики.

На следующий день Ричард записал в судовом журнале: «Теперь у меня не осталось никаких иллюзий относительно того, что юго-восточные пассаты хоть сколько-нибудь лучше восточного ветра! Под дважды зарифленным гротом, на стакселе и генуе (убрана наполовину) плюс бизань – летим шесть узлов».

Анемометр от фирмы «Брукс энд Гейтхаус» вышел из строя на восьмой день.

– Надеюсь, больше ничего из этого паршивого оборудования не поломается, – в сердцах сказал мне Ричард.

– Может, это коррозия или…

– Какая, к черту, коррозия! Паршивое барахло вся эта высокотехнологичная электроника. Солнце хоть и не каждый день светит, зато уж когда светит, ты хотя бы точно знаешь, где находишься.

– Ну, тогда конечно, к черту высокотехнологичную электронику! – засмеялась я, похлопывая ладонью по рундуку.

Следующие три дня «Хазана» летела. Наполненные ветром паруса окрасились в нежно-розовый, отражая солнечный свет, и мы наслаждались, читая, отдыхая и добирая столь необходимые часы сна.

Воскресенье, второе октября, одиннадцатый день на «Хазане», стало особенным днем для Ричарда и меня. В сумерках фосфоресцировало бирюзовое море. Мы открыли бутылку вина и провозгласили тост за пересечение экватора и за возвращение в Северное полушарие.

Впереди взлетел фонтан серебристой воды с полупрозрачными зеленоватыми брызгами – большая стая китов-пилотов решила поиграть с «Хазаной». Мы подключили авторулевого и перешли на нос – посмотреть, как они выпрыгивают из воды, приветствуя нас своими пронзительными голосами. Схватившись за носовой релинг, Ричард прижался к моей спине, и его бородатая щека касалась моей, пока киты перед нами расчерчивали зеленую поверхность моря аккуратными крестиками.

– Разве они не волшебные существа, любовь моя? – спросил он, завороженный. – Посмотри, как они выныривают и снова ныряют под воду, – сказал он, медленно вжимаясь мне в спину. Когда «Хазана» поднялась на очередной волне, он прошептал мне на ухо: – Выныривают… – А когда нос упал между волнами, он сказал: – Ныряют…

– Из тебя бы получился кит, Ричард, – поддразнила я.

– А я уже кит, милая. Смотри, вот я выныриваю… – Он легонько толкнул меня вперед – фонтаны брызг, ритмично поднимаемые китами-пилотами, настроили его на игривый лад, – а вот теперь ныряю.

Когда «Хазана» скользнула в провал между волнами, Ричард протянул руку и развязал на мне парео, удерживая меня коленями. Завязав ткань на релинге морским узлом, он обхватил теплыми ладонями мою грудь. Я отпустила релинг и широко раскинула руки – у «Хазаны» появилась носовая фигура.

– Ммм, – промурлыкала я.

– Хочу нырять вместе с тобой, Тами, – зашептал мне на ухо Ричард. – Хочу выныривать и нырять, как эти дикие млекопитающие.

Я протянула руку за спину и расстегнула на нем шорты. Они упали на тиковую палубу.

Со все нарастающей силой мы выныривали и ныряли, выныривали и ныряли, дикие и свободные, как киты, перед Богом и под небесами. «Хазана», китовый вожак, задавала ритм, а мы соответствовали.

Позже я написала в судовом журнале: «БЛАГОДАТЬ!»

На двенадцатый день нас наконец-то подхватили юго-восточные пассаты, мы поставили МЦП, очень легкий многоцелевой парус, и шли со скоростью четыре узла. Пассаты сопровождали нас несколько дней, толкая на восток. Мы по-прежнему часто видели китов, а теперь и дельфины начали показывать свои улыбчивые морды.

Рассвет восьмого октября был серый, дождливый, тоскливый. Ветры вели себя непредсказуемо. Направление менялось с юго-восточного до юго-западного и обратно через север. Мы стояли на носу, проверяя оснастку, когда на палубу рухнула маленькая сухопутная птица. Несчастное создание тяжело дышало, покачиваясь на коротких и тоненьких, словно спички, ногах. Ричард схватил полотенце и набросил на птицу. Взяв ее в ладони, он отнес птицу в кокпит, подальше от дождя и ветра. Она сидела на крыше каюты за ветровым стеклом, нахохлившись и взъерошив мокрые перья, чтобы согреть усталое тело. Я раскрошила кусок хлеба, но птица была слишком напугана, чтобы клевать. Должно быть, эти безумные ветра унесли крошечную птичку далеко от берега. Позже Ричард записал в судовом журнале: «ЦИКЛОНИЧЕСКИЙ ВИХРЬ?»

Прочитав эти слова – «Циклонический вихрь?», – я задумалась: что Ричард имеет в виду? Может быть, мы идем через какой-то убийственный ураган? Возможно ли такое? Вдруг маленькая птичка попала в смерч, откуда у нее не было ни сил, ни

возможности вырваться? Может быть, Ричард опасается, что нас тоже затягивает в него? За прошедшие несколько лет я не раз бывала в ураганах, но никогда не считала их циклоническими вихрями. Ричард не казался слишком уж озабоченным, и я тоже отнеслась к этому спокойно.

На следующий день погодный канал wwv сообщил нам, что шторм, который они упустили из виду на берегах Центральной Америки, был теперь переквалифицирован в тропическую депрессию «Соня». Они сказали, что ее центр находился примерно на тринадцати градусах северной широты и ста тридцати шести градусах западной долготы, а сейчас она движется на запад со скоростью в семь узлов. Значит, «Соня» западнее нас на сто миль с лишним.

Еще wwv предупредил о новом тропическом шторме, зародившемся на побережье Центральной Америки. Они называли его «Реймонд». Сравнивая наше местоположение на одиннадцати градусах северной широты и ста двадцати девяти градусах западной долготы с местоположением «Реймонда» на двенадцати градусах северной широты и ста семи градусах западной долготы, идущего на запад со скоростью в двенадцать узлов, Ричард записал: «ПРОНАБЛЮДАТЬ ЗА НИМ».

«Пронаблюдать за ним»? Шторма приходят и уходят, подумала я, и обычно выдыхаются довольно быстро. Все это я усвоила, занимаясь рыбной ловлей в Новой Зеландии. Для Ричарда подобные заметки были его способом оставаться в курсе событий. Я совершенно безмятежно продолжала заниматься разной повседневной ерундой: готовка, уборка, часы за штурвалом, чтение. Особенной радостью была возможность посидеть в кокпите и написать друзьям, оставшимся на Таити, пару писем, которые я собиралась отправить позже, из Сан-Диего.

Около полуночи ветер затих. А потом задул снова, переменив направление на восток-северо-восток и спровоцировав ярость «Реймонда». На нас обрушился шквал с дождем.

В понедельник десятого октября ветер сменился северным. В пять утра мы поменяли курс на северо-северо-запад, чтобы добавить скорости. Наша цель состояла в том, чтобы убраться с пути «Реймонда», увести яхту как можно дальше на север.

Ветер упал до одного-двух узлов, и в итоге нам пришлось четыре часа идти на двигателе. Однако к полудню, когда ветер начал завывать, мы заглушили мотор и взяли два рифа на гроте. Это было самое большее, что мы могли сделать, не задействуя всю площадь паруса, а нам была необходима вся скорость, какую можно было выжать. Стаксель был поднят, генуя зарифлена. Мы уносились от тропического шторма на северо-северо-запад на пяти узлах. «Реймонд» был теперь на двенадцати градусах северной широты и ста одиннадцати градусах западной долготы, двигаясь строго на запад. Птицы не было – сдуло из кокпита.

Мы решили поставить еще парусов, пытаясь уйти на север от наступающего шторма. Туго натянутые тросы, также известные как штормтросы, протянулись вдоль бортов судна от носа до кормы. Теперь было к чему крепить страховочные пояса, работая на палубе. Мы выжимали из «Хазаны» максимум. Выбора не было – нужно было срочно убраться с пути шторма. Он тем временем стремительно разрастался и уже превосходил те два кошмарных шторма, которые мне пришлось пережить на Тихом океане еще до знакомства с Ричардом. Я знала, что Ричарда как следует потрепало, пока он шел от мексиканского залива Теуантепек до Сан-Диего. Однако нынешний шторм быстро превращался в нечто такое, что было гораздо страшнее всего нашего предыдущего опыта, вместе взятого.

Мы с Ричардом спешно очищали палубу, на случай если погода еще ухудшится: последнее, что нам было нужно, – летающие вокруг тяжелые предметы. Мы перетащили вниз запасные пятигаллонные канистры с дизельным топливом и закрепили их на носу. Ворочать тяжелые канистры посреди бушующего океана было трудно.

Ночью, в два часа, лопнула генуя. Обрывки ткани бешено трепались по ветру, их трескучее стаккато и хлопки оглушали. Запустив мотор и подключив авторулевого, мы с Ричардом осторожно добрались до грот-мачты, пристегнув карабины страховочных поясов к тонкому тросу, закрепленному вдоль палубы, и двигаясь вдоль него.

– Трави…

– ЧТО? – прокричала я сквозь завывания ветра.

– ТРАВИ ФАЛ, КОГДА Я ПОДОЙДУ, И Я СПУЩУ ПАРУС.

– ХОРОШО, – прокричала я, ослабляя линь.

Ричард с трудом перебрался на нос. Я с ужасом наблюдала, как он поскользнулся и упал вперед. Гигантский вал, разбившись о нос яхты, с головы до ног окатил Ричарда холодной водой и обрызгал меня. «Хазана» вставала на дыбы на яростно вздымающихся волнах. Порванный парус неистово и опасно хлестал на ветру.

Ричард не смог его спустить. В конце концов он вернулся ко мне:

– НЕ ДВИГАЕТСЯ. ОТДАЙ ФАЛ И ПОШЛИ СО МНОЙ, ПОМОЖЕШЬ МНЕ СПУСТИТЬ ПАРУС.

Я сделала, как он просил, и медленно двинулась вперед на четвереньках, пригибая голову каждый раз, когда на меня обрушивался очередной поток соленой воды. Мы дергали и тянули парус, который безумно трепался на ветру. Наконец, когда у меня на пальцах уже вздулись волдыри от трения о мокрую ткань, парус с глухим хлопком опустился, наполовину придавив нас. Мы быстро подобрали его и кое-как принайтовили к палубе. Затем мы заправили стаксель номер один в ликпаз, и я закрепила шкот – трос – за фаловый угол паруса. Пробравшись затем обратно в кокпит, я убедилась, что трос не заедает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Сильная жажда» (исп.). (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)

2

Пиво (исп.).

3

Ок. 37,5 м.

Купить: https://tellnovel.com/oldhem-eshkraft_tami/vo-vlasti-stihii-real-naya-istoriya-lyubvi-surovyh-ispytaniy-i-vyzhivaniya-v-otkrytom-okeane

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити